

2207

ТЫСЯЧИ бойцов-интернационалистов из различных стран мира активно участвовали в борьбе за власть Советов, за великие завоевания Октября. И среди них был Ярослав Гашек, будущий автор всемирно известного произведения «Похождения бравого солдата Швейка». С оружием в руках, пламенным словом публициста, агитатора, пропагандиста помогал он защищать и укреплять власть Советов. Этот период—самый героический в жизни писателя—богат интереснейшими событиями, сыгравшими решающую роль во всем дальнейшем творчестве писателя-публициста, в том числе и в создании романа о Швейке.

Как известно, по решению ЮНЕСКО, столетний юбилей Ярослава Гашека отмечался в этом году во всем мире. Его произведения переведены более чем на пятьдесят языков мира. В нашей стране книги Гашека издава-

лись 130 раз общим тиражом почти десять с половиной миллионов экземпляров на многих языках народов СССР.

Ярослав Гашек был основателем и редактором первой советской газеты на бурятском языке «Уур». «Правда Бурятии» уже обращалась к читателям с просьбой сообщить или выслать в адрес редакции сохранившуюся в семейном архиве газету «Уур» для музея. Повторяем просьбу.

Сегодня публикуем отрывки из новой книги, готовящейся к изданию, кандидата филологических наук С. И. Антонова, члена Союза журналистов СССР, четверть века работавшего над изучением творчества Я. Гашека. Он—автор книг о сатире, документальной повести, пьесы, поставленной на профессиональной сцене. Кроме того, является переводчиком произведений писателя на русский язык.

РАЗДАЛСЯ стук в дверь. —Доставлены трое арестованных. Чехи. Разрешите вести,—доложил красноармеец.

—Давайте,—сказал Гашек и отодвинул бумаги на край стола.

В кабинет ввели пленных. —Кто такие? Откуда? Как попали сюда?

Пришедшие наперебой стали рассказывать о своих злоключениях, странствиях, о том, что хотят вступить в Красную Армию.

—Поздно вы, братья, опомнились,—сказал Гашек, укоризненно покачав головой.

Чехи обиделись и снова стали торопливо объяснять, что они давно пробраются в Иркутск...

—Да и зачем нам, музыкантам, война? —возмущенно говорил один из них, Владимир Бернат.—Мы хотим играть для людей, а не убивать их.

—Музыканты? —переспросил Ярослав.—Вы—музыканты? —И лицо его расплылось в широкой улыбке.—С этого и надо было начинать.

Он порывисто встал из-за стола.

—Посидите-ка минутку, покурите. Если нечего вот махра,—он выложил из кармана кисет, отдал его, а сам вышел.

Чехи удивленно переглянулись.

—Где-то я его видел,—мучительно размышлял вслух один.—Но где?..

Двое тоже согласились, что лицо вроде знакомое.

В этот момент стремительно вошел Гашек. То ли он слышал разговор, то ли догадался, что речь шла о нем, но только сразу же вынул из ящика книгу и с нарочитой небрежностью бросил ее на стол. Обложка открылась и чехи увидели фотографию автора.

—Гашек?..

А он молча стоял и, довольным произведенным эффектом, широко улыбался.

—Ну, как, узнали, наконец?

Все разом заговорили по-чешки.

—Как же так?—изумился один.—Ведь вы давным-давно расстреляны. Об этом же в газетах чешских писали. Я хорошо помню: расстреляли в Будейовицах за дезертирство, совершенное в припадке белой горячки.

—Да ты что,—возразил другой,—я сам читал, что легионеры за измену повесили на телеграфном столбе.

—Все вы ошибаетесь,—спокойно и убежденно заметил третий.—Гашек большевиками заживо погребен и проклят.

—Напрасно, друзья, спорите,—вмешался Ярослав,—все вы правы. Но не все знаете. Я еще и убит в пьяной драке с моряками то ли в Одессе, то ли во Владивостоке, где, кстати, я никогда не был. Как только наши газеты за два-три года не именовали меня: и пьяница, и акробат в жизни, и Гашек-шашек, и даже австрийский шпион. А я вот здесь, перед вами, жив-здоров и умираю скоро не собираюсь. Мне еще много надо успеть.

Никак не думали чехи, что могут встретить его здесь, в этом кабинете, на посту какого-то большого «красного» начальника.

—Совсем на днях занял

этот пост. Был поменьше,—улыбнулся Ярослав,—а теперь вот начальник оргчасти политотдела армии.

Чехи почтительно и удивленно замолчали. Ведь в Чехии он был широко известен не только своими произведениями, но и множеством эксцентрических выходов, протестов против власти имущих. И только немногие друзья знали, что под маской протеста, «шалопая» скрывался яростный противник существующего строя, страстный патриот, глубоко любящий народ, мучительно ищущий пути освобождения родины от австрийского ига.

Гашек задумчиво постоял у окна, затем снова сел за стол. И как бы отвечая собственным мыслям, тихо заговорил:

—«Когда говорят пушки, музы молчат». Чепуха! Тогда-то особенно громко должны говорить музы. Подумайте сами, какая в окопах жизнь? Кровь да грязь, злоба да страх. От жизни такой черствеет человек. Можно сказать, гниет на корню. А музыка в него прельстят жизни вдыхает, любви и ненависти учит. Вот почему я всегда говорю: честь запевале! Правда, сам я, скажу откровенно, хоть и люблю петь, пою четыреста восемьдесят песен, но у меня все они почему-то на один лад.

—Впрочем, это не имеет значения,—прервал он свои рассуждения.—А теперь давайте в шестой полк и беритесь за дело. Чтобы через две недели был в полку оркестр.

А когда по инициативе Гашека с огромными трудностями был организован детский дом, Ярослав приказал Бернату, одному из тех чехов, что приводили на допрос:

—Оркестру ежедневно по часу играть для детей!

КАК-ТО в комендатуру пришло сообщение: подготовьте помещение для прибывающих частей. Отвели старые казармы. Но там была страшная грязь, на окнах копоть, повсюду паутина.

Кого послать привести все в порядок? Свободных рук нет. Как быть? Гашек нашел выход из положения.

—Женский монастырь,—предложил он.—Там же много народу.

—Неудобно как-то,—говорили в комендатуре.—Святые все-таки...

—Ни черта им не делается,—ответил Гашек.—Пусть потрутся. А то только и дела у них: молиться за сплетничать друг про друга.

И он тут же посылает распоряжение: «В монастырь гражданке игуменье. Предлагаю вам выслать немедленно 15 монашек для уборки следующих помещений:

5 монашек выслать в Реальное училище по Советской ул. (бывшей Казанской).

10 монашек выслать в деревянный дом в здании бывшей земской управы (Трибунал 5-й армии).

Вскоре послынный вернулся ни с чем: игуменья категорически отказалась выполнять приказ.

—Что же,—сказал Гашек,—ей, видимо, очень хочется встретиться со мной. Вполне понятно. Мне—тоже. Давненько не беседовал на религиозные темы.

Страшно перепугалась настоятельница, когда Гашек с двумя красноармейцами явился к ней. Но еще больше струсила после того, как приказал собрать всех монахинь.

—Для политбеседы,—добавил он.

Глубоким молчанием встретили монахини человека из комендатуры. На секунду даже показалось, что никого

вроде нет, так только, как-то черная масса перед глазами.

—Я знаю,—начал Гашек негромко,—среди вас нет недобожелателей, которые хотели бы вернуться к старой прогнившей власти, а нас всех сжечь на костре, как нечестивцев.

Раздался глухой ропот.

—Сестры,—продолжал Гашек,—не хочу долго испытывать ваше терпение. Суета сует—все суета. Суета отдаваться утехам плотским и забыть, что есть радость вечная—труд. Помните, как говорил святой Павел во втором послании фессалоникийцам? «Завещаю вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь».

—Ай да молодец,—шепнул пожилой красноармеец другому.—Святого апостола и то на революцию заставлял работать.

В этот момент вперед выдвинулась игуменья. Зло посмотрела на говорившего.

—Именем господа бога,—грозно начала она,—ответь, нечестивец: что нам в казармах делать? Не губи души своей. Бог не простит кощунства.

«Хитра старуха,—мелькнуло в голове у Гашека.—Хорошо знает, что там делать, а спрашивает... Сейчас я ей подброшу».

—Вам лично там делать нечего,—спокойно ответил Гашек.—Возраст не тот. Отдыхайте. А пятьдесят девичь прощу проследовать отсюда прямо в казармы.

—Антихрист! —громко завопила старуха.—Бога поборйся. Гореть тебе за такие мысли в геенне огненной!

Женщины зашумели, заговорили. Где-то раздались всхлипывания.

—Православные! —стремясь перекрыть гомон, крикнул Гашек.

Сразу стало тихо. Все ждали, глядя на него. Гашек спокойно, словно ничего не произошло, спросил:

—Неужели так трудно вымыть полы, привести помеще-

ние в порядок?

—И только? —раздался чей-то звонкий голосок.

—Не больше. Смею вас

уверить. Разве многоуважаемая настоятельница не говорила вам об этом?—И он повернулся к ней, широко улыбувшись. Та тут же опустила голову.

—Ай, ай, ай, какая забывчивость... В казармах после уборки размещаются красноармейцы. Не возражаете?

Необычную картину наблюдали вскоре горожане. По улицам в сопровождении Гашека и двух красноармейцев шла толпа монахинь по направлению к старым казармам.

С легкой руки помощника коменданта монастырских девиц стали довольно часто привлекать к уборке различных помещений. Правда, иной раз игуменья пыталась отказать от «трудовой повинности».

Понадобилось, например, срочно убрать помещения, которые должен занять штаб Пятой армии. Гашек пишет:

«В монастырь. Гр. игуменье. Предлагаю Вам выслать немедленно 30 монашек для уборки помещений штаба 5-й армии в дом Волжско-Камского банка по Советской ул.».

А игуменья на обороте предписания старой дрожащей рукой начертала: «Выслать для уборки некоев сестер дома нет. Отправлено 10 фун. восковых свечек. Деньги непопущены».

—Ах, старая bestия, опять хитрит, свечками хочет отделаться,—проговорил Гашек, прочитав ответ.—Забыва, видно, нашу беседу. Придется повторить.

Настойчивость Гашека заставляла настоятельницу выполнять—таки все указания комендатуры. Как-то поступило заявление: «Руководители Московских детских колоний № 3 и № 6 просят т. коменданта разрешить пользоваться работами монахинь женского Бугульминского монастыря в течение всей недели, т. е. от 10 ноября до 17 ноября нового стиля включительно. В течение указанной недели просим не отзывать монахинь на другие какие-либо работы, т. к. нужно будет много пошить, заштопать, вымыть для детей перед отъездом в Москву».

И комендатура оказывала помощь. Словом, «святые» в самом деле служили револю-